

ГЛАВА VIII

Самурайки

Подъ именемъ самураевъ былъ извѣстенъ военный классъ въ Японіи,—классъ, такъ сказать, промежуточный между императоромъ и его дворянами съ одной стороны и большою массой простонародья, занимавшагося земледѣліемъ, ремеслами или торговлей — съ другой стороны. На самураевъ возлагалась защита страны отъ враговъ внутреннихъ и вѣншихъ, точно также какъ наблюденіе за книжнымъ и учебнымъ дѣлами и все государственное дѣлопроизводство... Во время паденія феодализма въ 34-милліонномъ населеніи Японіи самураевъ было около двухъ милліоновъ. Собственно въ этотъ классъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, должны быть включены также даиміи и ихъ тѣлохранители, носившіе по двѣ шпаги. Но такъ какъ наиболѣе знатные изъ самураевъ носили спеціальныя титулы, то терминъ самураи въ смыслѣ обычнаго его значенія, въ которомъ онъ употребляется и въ этой книгѣ, относится собственно къ военнымъ лицамъ, состоявшимъ на службѣ у шогуна и даиміевъ, отъ которыхъ они и получали жалованье. Эти люди составляли особенный классъ, дѣйствовавшій по мотивамъ, совершенно отличнымъ отъ мотивовъ, руководившихъ низшими классами, и игравшій большую роль въ исторіи стра-

ны. По мѣрѣ того, какъ дворянство, избалованное долгой наслѣдственностью власти и богатства, слабѣло духомъ и тѣломъ, самураи должны были дѣлаться все болѣе и болѣе „не только мечомъ, но и мозгомъ Японіи“... И большое дѣло выведенія страны изъ атмосферы среднихъ вѣковъ къ свѣту девятнадцатаго столѣтія совершенно самураями болѣе, чѣмъ какимъ либо другимъ классомъ.

Каковы, могутъ спросить, характерныя свойства самурая, дѣлающія его столь почетнымъ типомъ благороднаго японца, что „жить и умереть достойно имени самурая“ было высшимъ идеаломъ воина? Обязанность самурая можетъ быть выражена однимъ словомъ: вѣрность—вѣрность своему господину, вѣрность долгу, вѣрность своей странѣ,—вѣрность столь непоколебимая и глубокая, что ей, въ случаѣ надобности, приносились въ жертву всѣ человѣческія узы, надежды и привязанности, жена, дѣти, вся семья... Тѣ, которые читали разсказъ „Вѣрные Роины“ *,—переданный Митфордомъ, Дикинсомъ и Греемъ такъ хорошо, что онъ многимъ, конечно, уже знакомъ,—припомнятъ, что главный со-вѣтникъ и тѣлохранитель Оиши, въ своемъ глубокомъ желаніи отомстить за несправедливую смерть своего господина, разводится съ женой и отправляетъ отъ себя дѣтей своихъ, чтобы они не могли отвлечь его отъ его плановъ; ему не удается уже затѣмъ увидѣться съ ними, и, совершивъ свой славный подвигъ, онъ успѣваетъ только дать знать женѣ своей на смертномъ одрѣ о своей вѣрности ей и объ истинной причинѣ

* Роинъ—самурай, который потерялъ своего господина и не связанъ никакими феодальными обязательствами съ какимъ бы то ни было даимемъ. Точный переводъ этого слова челоуѣкъ-волна, т. е. такой, который странствуетъ безъ цѣли, подобно волнѣ, гонимой вѣтромъ.

кажущейся его жестокости. И жена, далекая от чувства обиды, прославляет дѣянія своего мужа, который отбросилъ въ сторону всѣ личные интересы для того, чтобы исполнить свой великій долгъ.

Истинный самурай всегда храбръ, никогда не боится смерти или страданія въ какой бы то ни было формѣ. Жизнь и смерть безразличны для него, если только онъ не имѣетъ пятна на своемъ имени.

Мнѣ приходитъ на память одинъ случай, который можетъ служить примѣромъ духа самурая—духа, наполнившаго исторію Японіи героическими дѣяніями. Это—повѣствованіе о долгой осадѣ, въ концѣ которой маленькій гарнизонъ осажденнаго замка былъ доведенъ до послѣдней степени истощенія, но всетаки еще упорствовалъ, ожидая съ часу на часъ прибытія подкрѣпленія. Однако съ каждымъ днемъ надежда на послѣднее падала, и наконецъ возникъ вопросъ величайшей важности: ждать ли еще, или сдаться немедленно; отвѣтъ могъ быть данъ только по выясненіи надежныхъ свѣдѣній о силѣ непріятеля. Тогда одинъ изъ самураевъ вызвался проникнуть въ лагерь осаждающихъ, высмотрѣть все, что надо, и возвратиться съ донесеніями въ крѣпость. Онъ переодевается въ костюмъ противника, благополучно проникаетъ въ непріятельскій лагерь, не вызвавъ подозрѣній, и узнаетъ тамъ, что осаждающіе такъ слабы, что не могутъ поддерживать больше осаду... И вотъ, когда онъ уже возвращается къ своимъ, непріятель узнаетъ его и задерживаетъ. Ему предлагаютъ одно только средство избѣгнуть ужасной смерти—распятія на крестѣ, это—подойти къ краю рва и, стоя на возвышенномъ мѣстѣ, крикнуть воинамъ своего стана, что они должны сдаться, потому что силы непріятеля слишкомъ значительны для нихъ. Самурай притворяется что согласенъ на

это, и, приведенный къ берегу рва, видитъ на другой сторонѣ свою жену и ребенка, которые радостно привѣтствуютъ его. Къ нимъ онъ простираетъ свои руки и затѣмъ бодро и громко, такъ, чтобы было слышно и врагамъ и недругамъ, возвѣщаетъ истинное положеніе дѣлъ: „Дождитесь подкрѣпленія какою бы то ни было цѣной, потому что непріятель такъ слабъ, что скоро долженъ будетъ отступить!“ При этихъ словахъ разъяренные непріатели схватываютъ его и умерщвляютъ путемъ ужасныхъ пытокъ; но онъ не теряетъ улыбки на своемъ лицѣ, говоря имъ, что такая смерть за своего господина сладка для него. Исторія Японіи изобилуетъ героическими подвигами самураевъ, свидѣтельствующими объ ихъ несокрушимомъ мужествѣ. Читая о нихъ, мы часто вспоминали о воинственномъ духѣ спартанцевъ, и самурайки въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ походятъ на тѣхъ спартанскихъ матерей, которыя хотѣли скорѣе умереть, чѣмъ видѣть своихъ сыновей опозоренными проявленіями трусости.

Безусловная покорность, съ которой самураи относились къ своимъ принципамъ, сталкиваясь съ чувствомъ преданности отечеству, часто ставила ихъ между двухъ огней. Когда самурай получалъ отъ даймья приказанія, которыя по своей дальновидности не считалъ ведущими ко благу дома, то долженъ былъ или послушаться своего господина, или дѣйствовать вопреки чувству преданности ему. Възвѣсивъ такія взаимнопротивоположныя требованія, самурай обыкновенно поступалъ такъ, какъ считалъ справедливымъ; и если, въ интересахъ своей страны или въ интересахъ самого принципала, ему приходилось послушаться послѣдняго, то онъ, сдѣлавъ свое дѣло, писалъ затѣмъ исповѣдь, въ которой говорилъ объ истинныхъ

мотивахъ своихъ дѣйстви, и спасать свое имя отъ безчестія самоубійствомъ. Такимъ поступкомъ онъ искупалъ вину своего неповиновенія, и послѣднее не ложилось позоромъ на память о немъ.

Уже оставленный теперь интересный обычай харакири, или добровольнаго лишенія себя жизни для избѣжанія безчестія или смытія пятна со своего доброго имени, является наслѣдіемъ старыхъ временъ. Древніе герои убивали себя также спокойно, какъ и своихъ враговъ, и женщины, также какъ и мужчины, умѣли употреблять короткую шпагу *, носимую всегда самураемъ при себѣ, какъ послѣднее средство избѣжанія позора.

Молодые люди этого класса, также какъ ихъ принцыпалы—даими, съ юныхъ лѣтъ обучались такимъ приемамъ совершенія самоубійства, которые вели къ „красивой“ смерти, такъ какъ слишкомъ кровавая и некрасивая смерть „не дѣлала чести“ самоубійцѣ. Фатальный ударъ не долженъ былъ сопровождаться мгновенными послѣдствіями, такъ какъ при этомъ только условіи можно было обнаружить мужество—доказательство такого пренебреженія самурая къ смерти и страданіямъ, какое требуется отъ храбраго мужчины.

Хара-кири было, конечно, послѣднимъ прибѣжищемъ, но смерть, какъ его слѣдствіе, считалась

* Самураи всегда носили двѣ шпаги: длинную для нападенія и короткую для защиты, а когда послѣдняя оказывалась невозможной, то для хара-кири. Шпага—эмблема воинственнаго духа самурая и, какъ таковая, читается высоко. Самурай считаетъ гордостью для себя всегда сколько возможно обточенный и блестящій клинокъ шпаги. Его никогда нельзя было видѣть безъ обѣихъ шпагъ, но болѣе длинную онъ снималъ и оставлялъ передъ дверью, когда входитъ въ домъ друга. Плохо обойтись со шпагой, какъ нибудь испортить ее или перешагнуть черезъ нее,—было равносильно нанесенію оскорбленія ея владѣльцу.

почетной. Обыкновенный преступникъ могъ быть казненъ руками другихъ; но благородный самурай, который никогда не считаетъ возможнымъ пережить безчестія, осуждался на хара-кири, если признавался виновнымъ въ совершеніи такихъ дѣяній, которыя заслуживали смертной казни. Неразрѣшеніе самурая хара-кири, а обреченіе его на казнь чужою рукой „позорило“ его имя вдвойнѣ. Даже нынѣ, когда совершается какое либо преступленіе,—напримѣръ, убійство какого либо лица въ ошибочномъ убѣжденіи, что оно ведетъ ко благу страны,—у убійцы не является желанія укрыться и избѣжать кары. Онъ спокойно отдаетъ себя въ руки правосудія или самъ лишаетъ себя жизни, оповѣщая предварительно о побужденіяхъ своего поступка, который искупаетъ цѣной своей жизни. Такъ поступилъ недавно покушавшійся на убійство министра Окумы *.

Самурай стараго времени былъ гордъ своимъ положеніемъ, своимъ почетнымъ призваніемъ, своей отвѣтственностью; гордъ своимъ невѣжествомъ въ торговлѣ и своимъ презрѣніемъ къ суетнымъ житейскимъ мелочамъ, пренебрегая всѣми занятіями, кромѣ употребленія своего оружія. Достатокъ и даже богатство ремесленника или фермера рѣдко соблазняло его унижить себя вступленіемъ въ ряды ихъ; и жалованье, получавшееся имъ отъ даимія, часто слишкомъ жалкое, казалось ему болѣе почетнымъ, чѣмъ хотя бы богатые и заработанные тоже честнымъ трудомъ доходы про-

* Курушима, пытавшійся убить Окуму, покойнаго министра иностранныхъ дѣлъ, въ 1889 году, умертвилъ себя немедленно послѣ того, какъ бросилъ динамитную бомбу, оторвавшую у министра ногу. Это тѣмъ болѣе замѣчательно потому, что убійца, въ моментъ лишенія себя жизни, думалъ, что его жертва совсѣмъ не потеряла.

столюдина. Даже донинѣ это чувство не умерло. Предпочтеніе чина или положенія, скорѣе, чѣмъ жалованья, сильно въ современномъ поколѣніи, такъ что и молодые люди ищутъ официальныхъ положеній охотнѣе, чѣмъ хотя бы и очень прибыльныхъ занятій торговлей. Японія наводнена мелкими чиновниками, и тѣмъ не менѣе самурай нынѣ часто бываетъ вынужденъ отложить свою шпагу и посвятить свое время нѣкогда презиравшейся имъ торговлѣ и узнать на опытъ, какъ важны мирныя ремесла по сравненію съ ремесломъ военнымъ.

Нелюбовь ко всему, связанному съ торговлей или промышленностью—къ службѣ и дѣйствіямъ, возникающимъ не изъ требованія долга и естественнаго влеченія, но изъ желанія наживы—сильно отозвалась на многихъ мелкихъ современныхъ обычаяхъ японцевъ, часто непонимавшихся и невѣрно истолковывавшихся иностранцами. Въ старой Японіи опытъ и знаніе не могли быть ни куплены, ни проданы. Врачи не назначали платы за леченіе, но, наоборотъ, должны были отклонять всякій разговоръ о ней. Пациенты, съ другой стороны, были слишкомъ горды, чтобы принимать услуги даромъ, и посылали врачамъ—не въ качествѣ платы, но болѣе какъ вещественное выраженіе своей признательности—сумму денегъ, которая мѣнялась, сообразно средствамъ дающаго, а также и степени полученной пациентомъ помощи. Даимій не спрашивалъ у учителя, что будетъ стоить часъ его урока, и даже совсѣмъ не сообразовался съ этимъ вопросомъ; учителя не оскорбляли ожиданіемъ, что онъ согласится торговать своимъ знаніемъ въ обмѣнъ за такую матеріальную вещь, какъ деньги, но его только спрашивали, удобно ли будетъ ему удѣлить отъ своихъ занятій еще сколько-нибудь времени на

новые уроки; къ нему обращались, слѣдовательно, скорѣе въ формѣ просьбы, чѣмъ предложенія. Надлежащее вознагражденіе всегда давалось ему, — и онъ могъ быть увѣренъ заранѣе, что это такъ и будетъ, — но предварительное соглашеніе никогда не считалось необходимымъ.

Вникнувъ въ подобныя чувства, еще живыя и теперь въ Японіи, принявъ во вниманіе эту нелюбовь къ контрактамъ и установленію точной платы за профессиональныя услуги, мы сможемъ представить себѣ глубокое отвращеніе самурая къ дѣловымъ приемамъ и привычкамъ иностранцевъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Здѣсь являлось полное непониманіе другъ друга, такъ какъ побужденія и дѣйствія самурая во взглядѣ на заработный трудъ противорѣчили понятію европейца и американца о независимости и самоуваженіи. Въ Японіи денежный подарокъ считается болѣе почетнымъ, чѣмъ заработанная плата, тогда какъ въ Америкѣ и Европѣ плата значительно болѣе почетна, чѣмъ подарокъ.

Современный самурай быстро воспринимаетъ новыя идеи и научается смотрѣть на міръ съ западной точки зрѣнія; но его мысли и дѣйствія все еще находятся подъ вліяніемъ идеаловъ старой Японіи; и пройдетъ много времени, прежде чѣмъ законный, вѣрный, но гордый духъ самурая умретъ. Гордость клана измѣнилась теперь въ гордость расы; лояльность по отношенію къ феодальному вождю перешла въ лояльность по отношенію къ императору, какъ правителю; и старыя черты характера существуютъ и подъ оболочкой современныхъ европейскихъ костюмовъ, какъ онѣ существовали прежде подъ длинными киримонами тѣлохранителей съ двумя шпагами.

Тотъ же самый духъ лояльности помѣшалъ успѣ-

хамъ христіанства въ Японіи. Императоръ былъ представителемъ боговъ ея. Обращеніе въ новую вѣру казалось измѣной по отношенію къ нему, въ угоду богамъ иностранца. Дѣло католическихъ миссіонеровъ, которое окончилось такъ бѣдственно въ 1637 г., производило на японцевъ впечатлѣніе, что христіанинъ долженъ признать подданство папѣ, такимъ же образомъ, какъ ихъ императоръ требуетъ теперь подданства отъ своего народа; и горечь такой мысли сильно мѣшала японцамъ понять сущность христіанства. Такія слова, какъ „царь“ или „господинъ“, они понимали, какъ относящіеся къ свѣтскимъ дѣламъ, и многіе годы понадобились для того, чтобы одолѣть это предубѣжденіе. Надо сознаться, что послѣднее никоимъ образомъ не удивительно, если вспомнить, что миссіонеры іезуитскаго ордена нѣкогда вмѣшивались въ политическія движенія въ Японіи.

Такъ остро было чувство этого предубѣжденія въ первую пору „открытія“ Японіи иностранцами, что туземный христіанинъ сжигался на кострѣ, какъ измѣнникъ своей родинѣ, и христіане вообще подвергались суровому гоненію. Миссіонеры одно время не осмѣливались признавать себя таковыми и жили постоянно подъ страхомъ насильственной смерти; японскій христіанинъ, остававшійся вѣрнымъ своей новой вѣрѣ, зналъ, что соотечественники презираютъ и ненавидятъ его. Я знаю объ одной матери, которая, послѣ безплодныхъ увѣщаній своего сына отказаться отъ новой религіи, угрожала самоубійствомъ, считая, что позоръ, который палъ на семью, можетъ быть искупленъ только смертью. Къ счастью, все это — уже достояніе прошлаго, и нынѣ самурай понималъ, что онъ можетъ примирить новую вѣру съ вѣрностью отече-

ству, и что, исповѣдуя первую, онъ не измѣняетъ тѣмъ самымъ второму.

Жены самураевъ дѣлили съ ними и отвѣтственность положенія, и традиционную гордость ихъ, которая является слѣдствіемъ наслѣдственности. Какъ мы уже говорили, въ Японіи первымъ долгомъ женщины всѣхъ слоевъ общества считается послушаніе мужчинѣ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самопожертвованіе, хотя бы даже и въ самой ужасной формѣ, всегда считалось долгомъ, который исполнялся женщиной въ высшей степени охотно и даже съ энтузіазмомъ, когда путемъ его отецъ, мужъ или сынъ могли лучше исполнить свои обязанности по отношенію къ феодальному главѣ. Женщины въ замкахъ даимія, обучавшіяся фехтованію, одѣвавшіяся въ боевыя одежды и готовыя грудью защищать замокъ своего господина, въ случаѣ необходимости, принадлежали къ классу самураевъ, т. е. были женами и дочерьми воиновъ, въ венахъ которыхъ текла кровь цѣлыхъ поколѣній боевыхъ предковъ. Изыщество, женственность и деликатность, имъ свойственныя, не исключали для нихъ возможности проявленія мужественной доблести, когда въ немъ встрѣчалась надобность; и долгое воспитаніе въ послушаніи и вѣрности не мѣшало достиженію и въ этомъ отношеніи желанныхъ результатовъ. Смерть и даже надругательство, еще худшее, чѣмъ смерть, могли быть встрѣчены ими мужественно, но позоръ, наносимый чести мужа или феодальнаго владыки, переноситься не могъ.

Мнѣ случилось, много лѣтъ назадъ, познакомиться съ маленькой японской дѣвочкой, свидѣтельницей осады Вакаматсу, въ которомъ она жила въ то смутное время,—города, избраннаго войсками шогуна послѣднимъ оплотомъ въ усиліяхъ ихъ постоять за сво-

его главу и за государственную систему, которой онъ былъ представителемъ. Когда силы императора атаковали городскую крѣпость, то ровъ за ровомъ были взяты ими ²⁷, и наконецъ всѣ до послѣдняго человѣка въ осажденномъ городѣ, мужчины, женщины и дѣти, укрылись въ самой цитадели рѣшившись защищать ее до послѣдняго вздоха. Бомбы осаждавшихъ разрывались въ крѣпости, убивая женщинъ, когда онѣ работали, какъ могли, въ помощь защитникамъ; и даже маленькія дѣвочки бѣгали взадъ и впередъ, посреди дождя пуль и ядеръ,нося патроны, которые женщины дѣлали въ крѣпости для мужчинъ, защищавшихъ стѣны. „Вы не боялись?“ спросили мы изящнаго ребенка, когда онъ рассказывалъ намъ о своемъ участіи въ защитѣ. „Нѣтъ“, отвѣтила она, показавъ намъ при этомъ маленькій, но острый кинжалъ изъ превосходнѣйшей японской стали, который она, по ея словамъ, носила всегда за поясомъ въ тѣ дни войны и смуты. „Зачѣмъ же вы носили это оружіе?“ спросили мы опять. „Оно мнѣ понадобилось бы, еслибы я была взята въ плѣнъ“. — „Но что же сдѣлали бы вы съ нимъ?“ продолжали мы допрашивать, такъ какъ не могли думать, чтобы дитя восьми лѣтъ мечтало вступить въ борьбу съ вооруженными солдатами.—„Я убила бы себя“, отвѣчала она съ такимъ блескомъ въ глазахъ, который ясно показывалъ, что, въ случаѣ нужды, она была способна на самоубійство.

Въ старыя времена, когда воинственный духъ былъ силенъ, а правосудіе не обезпечено, долгъ мести за личную обиду, или за смерть отца или господина, выпадалъ на долю дѣтей или тѣлохранителей. Иногда кровавое дѣло выпадало и на долю женщины, быть можетъ, слабой и нѣжной дѣвушки, ко

торая, какъ повѣствуютъ многіе японскіе рассказы, преодолевала всѣ трудности, встрѣчавшіяся на пути женщины, посвятившей свою жизнь съ мужествомъ мужчины акту мести и успѣшно добивавшейся результата.

Въ одной изъ старыхъ японскихъ повѣстей фавулою, дающей любимый сюжетъ для театральныхъ представлений, является смерть и месть одной дамы во дворцѣ даиміа. Онойе, дочь народа, изъ купеческой семьи, случайно поднялась до положенія фрейлины при женѣ даиміа—вещь столь необыкновенная, что возбудила ревность въ другихъ дамахъ, которыя принадлежали къ классу самураевъ. Ивафуджи, одна изъ самыхъ высокопоставленныхъ и гордыхъ придворныхъ дамъ, пользуется каждымъ случаемъ, чтобы оскорблять и мучить бѣдную беззащитную Онойе, которую никакъ не могла признать равноправнымъ товарищемъ; постоянно напоминаетъ той объ ея низкомъ происхожденіи и предлагаетъ ей помѣриться силами въ фехтованіи — искусство, въ которомъ Онойе была невѣжественна, такъ какъ не занималась имъ во всю свою жизнь. Наконецъ ненависть и гнѣвъ Ивафуджи доходятъ до сумасшествія; она забывается и наноситъ публично ударъ слабой и нѣжной Онойе своею сандаліей—высшее оскорбленіе, какое можно нанести кому либо.

Онойе, подавленная своимъ глубокимъ позоромъ, возвращается изъ дворцовыхъ апартаментовъ въ свое помѣщеніе и съ глубокой скорбью размышляетъ, какъ смыть ей пятно полученнаго оскорбленія.

Ея вѣрная прислужница, видя безпорядочную прическу и возбужденные взгляды своей госпожи, замѣчаетъ душевныя муки, испытываемыя ею, и пытается, среди обычныхъ мелкихъ услугъ, разогнать облако

печали веселымъ пересказомъ различныхъ случаевъ дня. Эта дѣвушка, по имени О-Гару, — типъ умной и вѣрной служанки. Она выше по происхожденію, чѣмъ ея госпожа, такъ какъ рождена въ семействѣ самурая. Онойе, повидимому, слушая ея болтовню, въ дѣйствительности думаетъ только о своемъ горѣ и наконецъ приходитъ къ заключенію, что можетъ смыть пятно своего безчестія только самоубійствомъ. Она поспѣшно пишетъ письмо своимъ роднымъ, потому что принятое рѣшеніе не надо откладывать, и посылаетъ къ нимъ О-Гару съ этимъ письмомъ, приложивъ къ нему и вещественный знакъ своего позора—сандалію Ивафуджи. По дорогѣ злобѣщее карканье воронъ показалось О-Гару дурнымъ предзнаменованіемъ, и она начинаетъ безотчетно бояться бѣды; затѣмъ обрывается подвязка на ея сандаліи—еще болѣе тревожное предзнаменованіе! Испуганная въ конецъ, О-Гару поспѣшно возвращается назадъ, но уви вбѣгаетъ въ комнату своей госпожи только затѣмъ, чтобы увидѣть, что послѣдняя совершила роковое дѣло и умираетъ. Сердце О-Гару разрывается, она узнаетъ всю правду и клянется отомстить врагу своей возлюбленной госпожи.

Въ противоположность Онойе, О-Гару въ совершенствѣ владѣетъ искусствомъ фехтованія. Ей представляется случай, которымъ она и пользуется, возвратить Ивафуджи оскорбительный ударъ, и тою же самой сандаліей, которая послужила причиной смерти ея госпожи. Сдѣлавъ это, она вызываетъ Ивафуджи на дуэль. Надменная дама принуждена принять вызовъ и терпитъ позорное пораженіе передъ многочисленными зрителями. Истина теперь разоблачается, и даймій, который восхищается мужествомъ и преданностью О-Гару, оцѣниваетъ ее и возвы-

паетъ ее до поста, занимавшагося ея покойною госпожой.

Такіе разсказы обрисовываютъ характеръ самураекъ; онѣ могутъ переносить смерть храбро, даже радостно, отъ своихъ собственныхъ рукъ или отъ рукъ мужа или отца, чтобы избѣжать своего позора или смыть его; но онѣ также храбро и терпѣливо готовы подчиняться позорной жизни, худшей, чѣмъ смерть, для доставленія своему мужу или отцу средствъ выполнить феодальныя обязательства. Есть патетическая сцена въ одной изъ самыхъ славныхъ японскихъ историческихъ драмъ, въ которой, кажется, выставляются моральныя воззрѣнія идеальной японской женщины, такъ какъ иначе, повидимому, ее нельзя понять. Пьеса основана на исторіи „Вѣрные Ронины“, на которую мы ссылались въ началѣ настоящей главы. Ронины, для отомщенія смерти своего господина, составили заговоръ противъ другого даиміа, котораго жадность и несправедливость привели ихъ къ этому. Такъ какъ есть опасность измѣны даже въ ихъ собственныхъ рядахъ, то Оиши, начальникъ свиты покойнаго даиміа, обнаруживаетъ большую осторожность въ подборѣ себѣ сотоварищей по заговору и употребляетъ всевозможныя усилія для обезпеченія абсолютной тайны своего плана. Одинъ молодой человѣкъ, который былъ въ немилости у своего господина передъ его смертью, умоляетъ допустить его въ кругъ заговорщиковъ; но такъ какъ является подозрѣніе, что онъ можетъ быть невѣрнымъ дѣлу, то отъ него требуется сумма денегъ въ залогъ честности его намѣреній. Но молодой человѣкъ бѣденъ; жена его тоже изъ бѣдной семьи, и онъ долженъ поддерживать не только ее, но и старыхъ родителей ея, и потому для него невозможно достать деньги. Въ этой крайности молодая

женщина, по внушенію своихъ родителей, предлагаетъ продать себя на два года владѣльцу увеселительнаго дома, чтобы этимъ добровольнымъ рабствомъ помочь своему мужу избѣжать безчестія, которымъ онъ запятналъ бы себя, еслибы не сумѣлъ найти средства исполнить свой феодалъный долгъ. Начались переговоры; контрактъ заключенъ, и ею получены денежный задатокъ, достаточный для того, чтобы мужъ могъ внести требуемый отъ него залогъ. Все это было сдѣлано, однако, безъ вѣдома мужа, изъ опасенія, чтобы его любовь къ своей женѣ и горе передъ тяжестью такой ея жертвы не помѣшали ему принять это единственное средство исполнить долгъ преданности покойному. Благородная жена даже думаетъ оставить свой домъ прежде, чѣмъ мужъ не возвратится съ охотничьей экспедиціи, и такимъ образомъ избавить его отъ горя разставанія. Волненіе, охватившее его, когда онъ узналъ истину, не было гнѣвомъ по поводу позора, постигшаго его семью, но просто горемъ, что его жена и ея родители должны были принести такую большую жертву для спасенія его чести. Это ужасный ударъ судьбы, но все-таки не такой, какъ безчестіе, которое ложится на саму-рая, недостаточно преданнаго своему господину или его памяти. И героическая жена, когда пришли люди для того, чтобы увести ее въ увеселительный домъ, поддерживала себя утѣшеніемъ сознанія, что принести себя въ жертву, подобно тому какъ это сдѣлала жена миѳическаго героя Ямато Дакэ, когда прыгнула въ море, чтобы отвратить гнѣвъ морского бога отъ головы супруга. Японцы, какъ мужчины, такъ и женщины, зная этотъ рассказъ и многіе другіе, подобные ему по содержанію, допускаютъ,—чего не можемъ допустить мы, съ установившейся у насъ

точки зрѣнія,—что добровольное растлѣніе тѣла не ведетъ за собою необходимо растлѣнія души, когда женщина исполняетъ свой высочайшій долгъ, жертвуя за идею всѣмъ, даже самымъ дорогимъ ей чувствомъ, лишь бы спасти честь мужа. Это верхъ самоотреченія, которое не приноситъ ничего, кромѣ чести, духу той, которая рѣшается на него. Японскія женщины, читая такія исторіи, чувствуютъ глубокое состраданіе къ бѣдной женѣ и ужасъ передъ жертвой, обрекающей ее на такую жизнь, которая даже и съ японской точки зрѣнія повергаетъ женщину въ глубину паденія. Но онѣ не презираютъ ее за такой поступокъ; онѣ не отказались бы принять ее въ домъ свой, который, благодаря болѣе счастливымъ обстоятельствамъ, избавленъ отъ такой жертвы, какую принесла она. Именно въ такихъ понятіяхъ и кроется сущность различія моральныхъ воззрѣній японцевъ и иностранцевъ, которую послѣдніе часто не могутъ понять не только послѣ поверхностнаго знакомства съ Японіей, но и послѣ долгаго тамъ пребыванія; и это непониманіе заставляеть нѣкоторыхъ изъ нихъ думать, что нѣтъ скромности и чистоты среди японскихъ женщинъ. То же непониманіе дѣлаеть возможнымъ распушеніе одними иностранцами самыхъ низкихъ вымысловъ о поведеніи японской женщины и принятіе другими этихъ вымысловъ на вѣру, безъ провѣрки, хотя бы они относились къ самой чистой, высоко развитой и самой почтенной японкѣ.

Нашимъ дѣвушкамъ внушаютъ, что нѣтъ ничего хуже личнаго безчестія, и такое внушеніе вполне гармонируетъ съ ихъ женственнымъ инстинктомъ. У насъ эпитетъ „добродѣтельная женщина“ не предполагаетъ непременно, что она храбра, способна на самопожертвованіе, героическіе подвиги, но означаетъ

просто, что она не допускаетъ личнаго безчестія. Цѣломудріе, по нашимъ понятіямъ, есть высшая добродѣтель женщины; всѣ другія добродѣтели второстепенны по сравненію съ нею. Это наша точка зрѣнія, и вся перспектива нравственныхъ воззрѣній нарисована нами такъ, что названная добродѣтель выступаетъ на первый планъ. Отрѣшима отъ этого на моментъ и взвѣсимъ моральный культъ японской дѣвушки. Съ ранняго возраста до зрѣлаго ей постоянно внушаютъ, что послушаніе и преданность суть высшія добродѣтели, которыя должны быть сохранены даже путемъ пожертвованія всѣми другими, менѣе значительными добродѣтелями. Ей говорятъ, что для блага отца или мужа она должна быть готовой встрѣтить всякую опасность, вынести всякое безчестіе, совершить всякое преступленіе, отказаться отъ всякаго сокровища. Она должна считать, что ничто, принадлежащее только ей одной, не имѣетъ никакого значенія по сравненію съ благомъ ея господина, ея семьи или ея страны. Поставьте эту мысль о послушаніи и вѣрности долгу до степени абсолютнаго самоотреченія на первый планъ, и ваша перспектива измѣнится: другія добродѣтели появятся на смѣну чтившихся вами выше всего. Изъ того, что японская женщина жертвуетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, личной добродѣтелью для блага отца или мужа, слѣдуетъ ли, что всѣ японскія женщины не цѣломудренны? Для нея во многихъ случаяхъ эта жертва — самый благородный поступокъ, какой только она можетъ себя представить, и она рѣшается на него, какъ пошла бы на встрѣчу смерти въ самой ужасной формѣ для тѣхъ, кого она любитъ и кому повиноваться считаетъ своимъ долгомъ. Японская дѣвушка растетъ не менѣе чистой и скромной, чѣмъ наши дѣвушки; но послѣд-

нихъ никогда не призываютъ пожертвовать ихъ скромностью ради тѣхъ, кого онѣ любятъ болѣе всего. Точно также у насъ, въ Америкѣ, не ожидается ни отъ одной женщины, чтобы она жила всегда исключительно для блага кого либо другого, какимъ бы образомъ это благо ни было достигнуто. Попробуемъ же проникнуться сущностью этихъ различныхъ точекъ зрѣнія прежде, чѣмъ высказать свое сужденіе, и попытаемся найти причины, которыя лежатъ въ основѣ дѣйствій, прежде чѣмъ судить эти дѣйствія. На основаніи близкаго изученія свойствъ многихъ японскихъ женщинъ и дѣвушекъ, я пришла къ твердому убѣжденію, что немногія женщины въ какой либо странѣ исполняютъ свой долгъ, по своему разумѣнію, болѣе благородно, съ большею готовностью и къ большому удовлетворенію окружающихъ ихъ, чѣмъ японскія женщины.

Многіе говорятъ, что чистота японскихъ женщинъ, по сравненію съ мужчинами, полная готовность къ послушанію, ихъ пріятный характеръ и преданность до самозабвенія, въ качествѣ женъ и матерей, являются только результатами тѣхъ ограниченій, въ которыхъ онѣ живутъ, и что онѣ слишкомъ слабы для того, чтобы позволить имъ наслаждаться свободой мысли и дѣйствій. Правда это или нѣтъ, мы предоставляемъ судить другимъ, когда время дастъ новые факты для разсужденія объ этомъ предметѣ.

По моему мнѣнію, чувство долга сильно развито въ японскихъ женщинахъ, особенно въ тѣхъ, которыя принадлежатъ къ классу самураевъ. Работа мысли ихъ мнѣ кажется не менѣе дѣятельной, хотя часто принимающей другое направленіе, чѣмъ у представительницъ консервативной Новой Англіи, въ жилахъ которыхъ течетъ самая чистая пуританская кровь. И

когда японка признала что либо своимъ долгомъ, то ни робость, ни сомнѣнія, ни страхъ быть смѣшной не воспрепятствуютъ ей исполнить его. Мнѣ припоминается случай, когда молодая дѣвушка, лѣтъ шестнадцати, призналась публично передъ своими школьными подругами въ проступкахъ, о которыхъ никто изъ нихъ не зналъ, ради облегченія мученій своей совѣсти и для предостереженія другихъ противъ подобныхъ ошибокъ. Дѣло въ томъ, что эта дѣвушка недавно потеряла свою бабушку, въ высшей степени любящую и добрую старушку, которая занимала мѣсто матери при своей внучкѣ съ младенческаго возраста. Въ домѣ, гдѣ было мало радостей, любовь бабушки была единственнымъ свѣтлымъ лучемъ; и когда она умерла, то бѣдное одинокое дитя постоянно призывало ее мысленно во всѣхъ своихъ затрудненіяхъ; а такъ какъ было уже слишкомъ поздно раскаяться въ своихъ ошибкахъ передъ самой старушкой, то она рѣшила, что должна, по крайней мѣрѣ, принести покаяніе въ память ея передъ другими. Она и исполнила это на одномъ изъ уроковъ литературы, — когда каждая изъ ученицъ могла прочесть сочиненіе на избранную ею тему, — прочтя передъ своими подругами и учителями свою исповѣдь, написанную ею въ поэтическомъ стилѣ. Для нея это было ужасною пыткой, какъ то легко было видѣть по ея пылающему лицу и дрожащему голосу, часто прерывавшемуся рыданіями. И когда въ заключеніе она обратилась къ своимъ подругамъ съ совѣтомъ вести себя по отношенію къ близкимъ такимъ образомъ, чтобы имъ не пришлось испытывать то, что испытываетъ она со смерти своей бабушки, то въ комнатѣ не было сухихъ глазъ, а многія дѣвочки даже громко всхлипывали. Это было интересное и трогательное покаяніе, но никоимъ обра-

зомъ не исключительное въ смыслѣ характеристики духа долга, который руководить дѣйствіями лучшихъ женщинъ изъ класса самураевъ.

Вотъ еще другой примѣръ, который иллюстрируетъ чувство долга и желаніе покаяться въ прошлыхъ ошибкахъ или грѣхахъ. Въ эпоху ниспроверженія феодальной системы самураи поставлены были въ затрудненіе противорѣчивыми требованіями въ связи съ положеніями, которыя заняли ихъ принципалы. Въ концѣ борьбы тѣ, которые послѣдовали за своими даиміями на поле битвы въ защиту шогуната, увидѣли, что они сражались противъ императора, самого сына небесъ который наконецъ вышелъ изъ вѣкового уединенія въ стѣнахъ своего дворца для того, чтобы управлять фактически своей имперіей. Такимъ образомъ защитники шогуната, оставаясь безусловно вѣрными своимъ даиміямъ, оказались измѣнниками высшей власти императора, а, слѣдовательно, и измѣнниками своей странѣ. Здѣсь имѣло мѣсто столкновение принциповъ, до нѣкоторой степени подобное тому, какое случилось въ американской междуусобной войнѣ, когда на югѣ тотъ, кто былъ вѣренъ своему штату, сдѣлался измѣнникомъ своей странѣ, и наоборотъ, вѣрный послѣдней измѣнялъ своему штату. Двѣ дамы, типичнѣйшія представительницы класса самураевъ, съ непоколебимой вѣрностью потерянному дѣлу помогали, по мѣрѣ силъ своихъ, въ защитѣ города Вакаматеу противъ побѣдоносныхъ войскъ императора. Онѣ остались тамъ до горькаго конца и были сосланы съ другими членами своего семейства и клана на нѣсколько лѣтъ въ отдаленнѣйшую провинцію. Въ 1877 году, одиннадцать лѣтъ спустя послѣ окончанія войны за восстановленіе власти императора, на югѣ Японіи возникло возмущеніе, подавленіе ко-

тораго потребовало значительныхъ денежныхъ затратъ и большого кровопролитія. Когда новая война началась, эти двѣ дамы представили правительству петицію, въ которой просили дать имъ возможность загладить свое поведеніе въ прошломъ, позволивъ имъ идти на театръ военныхъ дѣйствій въ качествѣ госпитальныхъ сидѣлокъ при раненыхъ. Въ то время ни одна женщина въ Японіи еще не вступала въ ряды ухаживающихъ за ранеными воинами; но для этихъ двухъ мужественныхъ женщинъ было дано разрѣшеніе, какъ испрашивавшееся ими средство раскаянія за былую невѣрность путемъ утилизаціи того умѣнья въ дѣлѣ помощи раненымъ, которое онѣ приобрѣли въ войнѣ противъ императора ²⁸.

Въ старыя времена самурайки исполняли въ высшей степени благородно обязанности, приходившіяся на ихъ долю. Какъ жены и матери гражданъ во время мира, онѣ добросовѣстно работали у своихъ домашнихъ очаговъ, и время ихъ наполнялось хозяйственными заботами до мельчайшихъ подробностей обыденной жизни. Какъ жены и матери воиновъ, онѣ воспитывали въ себѣ геройскій духъ, приличный ихъ положенію, не боясь никакихъ опасностей, кромѣ безчестія и позора не исполнить своего долга. Какъ стражницы въ домѣ своего господина, въ случаѣ необходимости онѣ готовы были защищать его цѣною собственной жизни; какъ придворныя дамы при дворѣ даймія или шогуна, онѣ развивали искусства и умѣнья, требовавшіяся ихъ положеніемъ, и скрывали мужественный духъ, который жилъ въ нихъ, подъ внѣшностью такой женственной, изящной, свѣтской и очаровательной, какая сдѣлала бы честь и любой изъ дамъ высшаго круга въ Европѣ и Америкѣ. Нынѣ въ Новой Японіи самураи не получаютъ болѣе еже-

годнаго содержанія отъ своихъ прежнихъ принциповъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣютъ уже и феодальныхъ обязательствъ, но, разсѣянные среди всѣхъ слоевъ населенія, состоятъ на государственной службѣ и занимаются всякими ремеслами и торговлей, вливая старый духъ въ новую жизнь... А что же дѣлаютъ теперь женщины этого упраздненнаго класса? Какъ управленіе страной нынѣ сосредоточено въ рукахъ бывшихъ самураевъ подъ властью императора, такъ эмансипація женщинъ, распространеніе новыхъ идей, касающихся ихъ положенія и назначенія, находится въ рукахъ женъ самураевъ подъ руководствомъ императрицы. Вездѣ, гдѣ идетъ дѣло прогресса среди женщинъ, гдѣ онѣ открываютъ пути къ новымъ занятіямъ, возвышая интересы семьи надъ мелочными дрязгами, открывая госпитали, общеобразовательныя и спеціальныя школы, убѣжища и т. п., вы найдете, что руководительницами дѣла, „движущей силой“ его, являются всегда женщины изъ рода самураевъ. Вслѣдствіе недавняго государственнаго переворота нѣкоторые изъ самураевъ возвысились надъ своимъ прежнимъ положеніемъ, ставъ въ ряды дворянства,—и такое обновленіе аристократіи вливаетъ духъ энергіи въ эту вялую прежде среду. Тѣ же перемѣны, которыя подняли нѣкоторыхъ, понизили другихъ на лѣстницѣ общественнаго положенія, и самурая можно найти теперь, какъ уже сказано выше, отдавшимся презрѣнному, съ ихъ прежней точки зрѣнія, дѣлу торговли и промышленности—среди купцовъ, фермеровъ, рыбопромышленниковъ, ремесленниковъ и даже домашнихъ слугъ. Но куда бы жребій ни бросилъ самурая, закалка стараго воспитанія, старыя идеи, старая родовая гордость все еще выдѣляютъ ихъ среди другихъ, и они вмѣсто того, чтобы спуститься до уровня своихъ по-

выхъ товарищей, поднимають ихъ до себя примѣромъ честнаго и культурнаго отношенія къ дѣлу. Конечно, перемѣна фортуны была встрѣчена не безъ ропота. Большая часть возмущеній, реакціонныхъ движеній, мятежей и зажигательныхъ рѣчей и печатныхъ памфлетовъ, которые характеризовали долгій періодъ смуты, послѣдовавшій за революціей, исходили изъ среды представителей этого класса, которые видѣли, что не только ихъ вѣковое дѣло, но и средства къ существованію отнимаются отъ нихъ, и что имъ часто приходится быть въ роли просителей, къ которой они неспособны. Но большинство ихъ обратилось къ упорному труду въ гражданскихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, какъ только имъ удавалось найти тамъ мѣсто, въ арміи, въ полиціи, въ деревнѣ, въ лавкѣ, — даже въ слишкомъ скромномъ дѣлѣ извоза въ качествѣ курума и, если нельзя было найти другого честнаго заработка; и женщины терпѣливо и мужественно раздѣляли послѣдствія перемѣны въ положеніи своихъ мужей и отцовъ, дѣлая все, что могли, для облегченія ихъ участи. Самурайки нынѣ энергично работаютъ въ качествѣ учительницъ, переводчицъ, образованныхъ сидѣлокъ и на всякихъ другихъ мѣстахъ, которыя съ честью могутъ заниматься женщинами. Женскія школы, какъ правительственныя, такъ и частныя, насчитываютъ въ числѣ своихъ ученицъ многихъ дѣвочекъ класса самураевъ, и ихъ послушаніе учителямъ и старшимъ, ихъ трудолюбіе и чуткость къ требованіямъ долга во всей школьной жизни обнаруживаютъ благодѣтельное вліяніе самурая на Новую Японію. Женщинамъ класса самураевъ предстоитъ дѣло — и онѣ уже энергично работаютъ въ пользу его — упроченія положенія женщинъ въ ихъ странѣ на новыхъ и болѣе широкихъ устояхъ. Онѣ, какъ

наиболѣе интеллигентныя, первыя найдутъ лекарство противъ настоящихъ золъ и, если я не ошибаюсь „евинуть силы земли и неба“, и притомъ въ ближайшемъ будущемъ, чтобы добиться успѣха. Большинство изъ нихъ изучаетъ современную литературу, причѣмъ нѣкоторыя знаютъ по крайней мѣрѣ еще одинъ языкъ, кромѣ своего родного; нѣкоторыя широко пользуются счастливою возможностью путешествовать за границу, гдѣ видятъ семейную и общественную жизнь въ христіанскихъ странахъ, и онѣ сумѣютъ способствовать поству добрыхъ началъ ея въ своей странѣ. Закончимъ эту главу выраженіемъ убѣжденія, что среди самураекъ, также какъ и среди самураевъ, не умеръ прежній духъ благородства, вѣрности долгу и энергіи, и что немного понадобится времени для того, чтобы онъ обнаружился въ результатахъ дѣятельной работы переформирования домашнего очага въ Японіи на началахъ болѣе разумныхъ, чѣмъ только слѣпое послушаніе жены и дочери водѣ мужа и отца.

ГЛАВА IX

Женщина въ сельскомъ населеніи

Многочисленный классъ простолюдиновъ, гейминъ, въ Японіи включаетъ не только крестьянъ-земледѣльцевъ, или фермеровъ, но также ремесленниковъ и купцовъ, причемъ ремесленники ставятся ниже фермеровъ, а купцы—ниже ремесленниковъ въ социальномъ строѣ. Названный классъ обнимаетъ, слѣдовательно, весь простой народъ, за исключеніемъ, однако, тѣхъ представителей его, которые въ прежнія времена совсѣмъ не пользовались правомъ на уваженіе и назывались ёта и хининъ^{*}; это—отбросы общества, которые жили нищенствомъ, умерщвленіемъ животныхъ, обряжаніемъ труповъ, выдѣлкой кожъ и другими ремеслами, дѣлавшими ихъ „нечистыми“ по старымъ понятіямъ. Съ самыхъ раннихъ временъ земледѣльческій классъ рѣзко отдѣлялся отъ класса самураевъ или военнаго. Иногда тотъ или другой изъ крестьянъ возвышался въ силу своихъ личныхъ достоинствъ до болѣе высокихъ положеній, потому что

^{*} Законы противъ ёта и хининъ, ставя ихъ въ отдѣльный, нечистый классъ и запрещая смѣшанные браки ихъ съ представителями сравнительно высшихъ классовъ, недавно были отмѣнены. Теперь, практически говоря, нѣтъ раздѣленія на классы, кромѣ дворянства и простолюдиновъ. Гейминъ и самурай теперь смѣшались между собою.

въ Японіи нѣтъ и не было никогда кастовой системы, которая препятствовала бы переходу изъ одного класса въ другой, — и не законъ, а лишь классный предразсудокъ удерживалъ самурая и крестьянина на своихъ мѣстахъ подобно тому, какъ расовый предразсудокъ въ Америкѣ привязываетъ негровъ, на сѣверѣ и на югѣ, къ извѣстнымъ положеніямъ и занятіямъ. Первое отдѣленіе военного класса отъ крестьянъ совершилось въ восьмомъ столѣтіи, и съ тѣхъ поръ различіе жизненныхъ путей этихъ классовъ необходимо повело къ выработкѣ и различныхъ свойствъ ихъ представителей, вышедшихъ въ прошломъ изъ одного и того же слоя населенія. На долю воинскаго класса выпали образованіе, искусство владѣть оружіемъ и наѣздничество, возможность подниматься по лѣстницѣ почестей и власти, жизнь, свободная отъ мелочныхъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ и протекающая въ кругѣ идей о долгѣ... Все это вмѣстѣ и дало свои плоды въ геройскихъ дѣяніяхъ самураевъ. На крестьянина, воздѣлывающаго свое маленькое рисовое поле изъ года въ годъ, пало тяжелое бремя налоговъ, удручающая забота о добываніи пропитанія для себя и семейства, терпѣливое перенесеніе всѣхъ требованій высшихъ, съ малою надеждой на выгоду для себя, какія бы перемѣны ни послѣдовали за удачными войнами ко благу тѣхъ, которые стоятъ на высшихъ ступеняхъ соціальной лѣстницы. Надо ли удивляться, что съ теченіемъ лѣтъ мозгъ крестьянина застылъ въ ежедневныхъ удручающихъ заботахъ, что онъ знаетъ мало и ничего не понимаетъ въ преобразованіяхъ, происходящихъ въ его странѣ; что его до глубины души волнуетъ только одна вещь, это — неурожай его жатвы или сокращеніе доходовъ съ земли вслѣдствіе увели-

чивающихся налоговъ? Это все вѣрно по отношенію къ геймину, какъ къ классу: онъ консервативенъ, боясь, чтобы различныя перемѣны не утяжелили еще болѣе его и безъ того нелегкаго яребія; обыкновенно мирный и кроткій, гейминъ можетъ быть легко подвинутъ на слѣбныя мятежныя и кровопролитныя дѣянія всякою политическою реформою, которая, по его понятіямъ, можетъ привести къ болѣе тяжелымъ налогамъ, или даже неурожаямъ, особенно когда онъ видитъ, что самъ онъ и его семейство голодаютъ, тогда какъ военный и чиновничій классы живутъ въ достаткѣ. Но хотя, какъ классъ, фермеры невѣжественны и неразвиты, они рѣдко безграмотны; и повсемѣстно во всей странѣ можно найти принадлежащихъ къ этому классу людей, которые хорошо воспитаны, поднялись до отвѣтственныхъ и вліятельныхъ положеній и способны думать разумно о самихъ себѣ и своихъ братьяхъ. Приведу здѣсь выдержку изъ статьи въ „Токийскомъ Вѣстникѣ“, озаглавленной „Воспоминанія о послѣднихъ дняхъ правленія Токугавы“, которая цитируетъ записку одного изъ гейминовъ объ условіяхъ жизни этого класса въ 1850 году. Эта записка была послана шогуну, какъ петиція, старшиной деревни Огуши.

Въ первой части ея говорится о возрастающемъ стремленіи къ роскоши въ военномъ и чиновничьемъ классахъ. „Безполезно издавать распоряженія, требующія отъ крестьянъ и другихъ гражданъ бережливости и трудолюбія, когда стоящія у власти лица, долгъ которыхъ—показывать народу хорошій примѣръ, сами погрязли въ роскоши и праздности“. Авторъ дерзаетъ далѣе упрекать самихъ шогуновъ, указывая на расточительность, съ какою они украсили мавзолеи въ Никко и другихъ мѣстахъ. „Согласно ли это“,

спрашиваетъ онъ, „съ намѣреніями славнаго основателя вашей династіи? Посмотрите на алтари въ Изэ и иныхъ мѣстахъ и на императорскія гробницы послѣдующихъ вѣковъ. Употреблялось ли золото и серебро для украшенія ихъ?“ Затѣмъ онъ обращается къ вассаламъ шогуна и обвиняетъ ихъ въ тиранин, хищничествѣ и низкой нравственности. „Самураи“, продолжаетъ онъ, „одѣваются богато и красиво; но какъ презрѣнны кажутся они въ глазахъ тѣхъ крестьянъ, которые знаютъ, какимъ путемъ добыто то, что они имѣютъ!“

Далѣе, въ той же самой запискѣ авторъ критикуетъ то, что онъ считаетъ серьезною ошибкой въ политикѣ шогуна. Тогда только что былъ изданъ декретъ, запрещающій крестьянамъ носить оружіе и упражняться въ фехтованіи: „Можетъ быть, декретъ былъ изданъ въ предположеніи, что Японія неприступна по своему естественному положенію и защищена со всѣхъ сторонъ. Но когда она получитъ оскорбленіе отъ иностраннаго государства, то можетъ явиться необходимость созвать милицію. И кто знаетъ, что люди необыкновеннаго военнаго генія, подобно Тоіотомі * не появятся опять среди представителей низшихъ классовъ?“

Авторъ кончаетъ записку такимъ предостереже-

* Тоіотомі Гайдеіоши, сынъ крестьянина, возвысился отъ положенія грума до положенія дѣйствительнаго правителя Японіи въ средніе вѣка. Именно онъ въ 1587 году и издалъ декретъ о гоненіи противъ христіанскихъ миссіонеровъ въ Японіи, въ запискахъ которыхъ онъ называется Факсига; японцы же часто именуютъ его Таико Сама — титулъ, а не имя, но когда онъ употребляется безъ имени, то относится всегда къ Тоіотомі. За подробностями объ его жизни отсылаемъ читателей къ сочиненію Гриффиса „Имперія Микадо“—Griffis, Mikado's Empire, book I, chap. XXIV.

ніемъ: „Если дворъ шогунa и военный классъ вообще будутъ настаивать на настоящемъ репрессивномъ образѣ дѣйствій правительства, то небо постигнетъ эту страну еще болѣе великими бѣдствіями; и если этого не поймутъ во-время, то послѣдствіемъ можетъ быть возмущеніе гражданъ. Я поэтому умоляю, чтобы начертанія славнаго основателя династіи не забывались; чтобы простота и бережливость были руководящими началами для администраціи, и чтобы была объявлена общая амністія, согласная съ волей небесъ и способная успокоить народъ. Если эти скромные совѣты мои будутъ исполнены, то угрожающее бѣдствіе разсѣется передъ свѣтомъ добродѣтели. Попрошу о томъ, будетъ обезпечена или нѣтъ безопасность страны, разрѣшится въ зависимости отъ того, будетъ или нѣтъ администрація допускать произволь. Я прошу только, чтобы страна могла наслаждаться миромъ и спокойствіемъ, чтобы жатва была, обильна, и чтобы народъ могъ быть счастливъ и благоденствовать“.

Изъ этого, довольно замѣчательнаго, документа можно видѣть, что крестьяне Японіи, хотя часто почти подавленные тяжелымъ бременемъ налоговъ, не теряютъ, даже и при крайней бѣдности, независимости мысли и дѣйствій, которая составляетъ характеристику японской націи. Они не считаютъ себя классомъ рабовъ, а своихъ военныхъ правителей—не подлежащими критикѣ и безупречными, но готовы смѣло заявлять свои права, какъ только къ этому представляется случай. Въ сочиненіи Митфорда „Разсказы о старой Японіи“ * приведенъ разсказъ о крестьянинѣ, старшинѣ деревни, который идетъ въ Едо представить шогуну жалобу, по требованію своихъ одно-

* Mitford's „Tales of Old Japan“.

сельчанъ, на жестокость и вымогательства ихъ да-
имія. Не найдя никого, кто согласился бы предста-
вить его записку погону, онъ наконецъ останавли-
ваетъ паланкинъ знатной особы на улицѣ—актъ самъ
по себѣ наказуемый смертью—и насильно всовываетъ
ему въ руки бумагу. Петиція прочитана, и его одно-
сельчане спасены отъ дальнѣйшихъ угнетеній, но
старшина, за свою смѣлость, осуждается своимъ да-
имемъ на смерть черезъ распятіе—приговоръ, который
онъ встрѣчаетъ съ такимъ же геройствомъ, съ ка-
кимъ рѣшился на свой поступокъ, чтобы спасти сво-
ихъ товарищей отъ страданій.

Крестьянинъ, хотя невѣжественный и угнетенный,
не утрачиваетъ мужества, не дѣлается рабомъ, но
держится за свои права, поскольку знаетъ ихъ, и го-
товъ стоять за нихъ противъ всѣхъ препятствій,
когда спорный вопросъ доступенъ его пониманію.
Правителямъ Японіи всегда приходилось считаться
съ крестьянствомъ, когда ихъ правленіе дѣлалось
несправедливымъ или гнетущимъ. Крестьянъ нельзя
обезличить запугиваніемъ, хотя можно принизить на
время, и они составляютъ консервативный элементъ,
служащій какъ бы тормозомъ для слишкомъ пылкихъ
правителей, которые хотѣли бы ввести новыя мѣры
слишкомъ быстро и, быть можетъ, склонны были
вливать вино новое въ мѣхи старые; крестьяне же не
разъ препятствовали и слишкомъ большимъ расхо-
дамъ на содержаніе правительственныхъ чиновниковъ.
Вліяніе многочисленнаго класса гейминъ будетъ чув-
ствоваться еще болѣе по мѣрѣ того, какъ новыя пар-
ламентскія учрежденія будутъ входить въ силу, и
установится болѣе близкая связь между трономъ и
общественнымъ мнѣніемъ.

Говоря о гейминѣ, слѣдуетъ помнить, что ре-

ремесленники, которые составляют такую большую часть его, являются въ то же время и художниками или артистами въ своемъ дѣлѣ, составившими Японіи, въ Европѣ и Америкѣ, репутацію страны, гдѣ любовь къ красотѣ формъ и цвѣтовъ и искусное воспроизведеніе ихъ какъ бы слились съ жизнью. Японскій ремесленникъ работаетъ съ терпѣливой настойчивостью и съ искусствомъ и оригинальностью художника, стараясь сдѣлать что нибудь индивидуальное и свое собственное, а не просто скопировать по рутинному образцу какой нибудь предметъ утвари или роскоши, который перестаетъ интересовать его, какъ только онъ убѣждается, что покупатель на такую вещь найдется всегда, и что хозяинъ навѣрное заплатитъ ему за работу. Повидимому, для японца сдѣлать красивую вещь и въ хорошемъ вкусѣ,—даже когда она дешева и потребляется только представителями бѣднѣйшаго населенія,—также легко, какъ для американскихъ фабрикъ и рабочихъ „штамповать“ случайныя украшенія—безобразныя, по отсутствію вкуса и стиля, если доступны небогатому человѣку. „Дешево“ и „скверно“ сдѣлались почти однозначными словами у насъ, потому что вкусъ въ украшеніяхъ такъ рѣдокъ, что какъ будто составляетъ монополію производителей, продающихъ свои товары не иначе, какъ за большія деньги. Въ Японіи не такъ: тамъ самая дешевая вещь часто сдѣлана по изящному и артистическому рисунку,—и даже можно сказать, что едва ли въ какихъ либо произведеніяхъ туземныхъ ремесленниковъ можно найти отсутствіе изящества и художества, почему бѣднѣйшіе изъ потребителей могутъ имѣть въ своемъ обиходѣ бездѣлушки, которыя отвѣчаютъ требованію эстетическаго элемента человѣческой натуры. Не дорогія произведенія японскаго

искусства интересовали меня болѣе всего, — хотя они, конечно, являются въ высшей степени удивительнымъ доказательствомъ терпѣнія и способностей индивидуальныхъ представителей класса гейминъ, — но дешевые и обыденные предметы, которые встрѣчаются на каждомъ шагѣ; они-то именно и свидѣтельствуютъ своею художественностью, что любовь къ прекрасному въ природѣ и искусствѣ присуща въ этой странѣ и кули въ такой же мѣрѣ, какъ дворянину. Дешевыя ткани, синія и бѣлыя полотенца, обычныя чайныя чашки и чайники, большой желѣзный котелъ въ сельской кухнѣ, — все это вещи, обладающія своеобразной красотой и изяществомъ въ такой же мѣрѣ, какъ богатый креплъ, серебряная кадилъница, изящный фарфоръ и элегантный лакъ въ богатой обстановкѣ даимія.

Ремесленникъ работаетъ у себя дома, рѣже съ помощью наемныхъ рабочихъ, чѣмъ своихъ собственныхъ дѣтей, которыя учатся дѣлу своего отца; и его домикъ, хотя маленькій, отличается уютностью и опрятностью, и даже изяществомъ, съ его мягкими циновками, хорошенькимъ чайнымъ сервизомъ, маленькими стѣнными экранами и букетомъ со вкусомъ подобранныхъ цвѣтовъ, — такъ какъ цвѣты даже зимой, и въ большомъ городѣ Токио, такъ дешевы, что приобрѣтеніе ихъ посильно и для бѣднѣйшаго. Въ домахъ, которые кажутся иностранцу лишенными комфорта и даже необходимыхъ требованій, находишь въ сущности художественную обстановку, хотя и совсѣмъ въ другомъ духѣ, чѣмъ у насъ, такъ какъ деньги, которыя въ Америкѣ приходится затрачивать на кровати, столы и стулья, могутъ пойти здѣсь на покупку какемоно, цвѣтовъ, вазъ и различныхъ даровъ эстетическаго вкуса. Отсюда выходитъ, что японскій

рабочій, живущій на такую скудную поденную плату, какая привела бы американца или европейца къ предѣлу истощенія, находить время и деньги для воспитанія въ себѣ того чувства красоты, которое на Западѣ слишкомъ часто совершенно изгнано изъ среды низшихъ классовъ населенія бременемъ цивилизаціи нашего вѣка, несомато ими на своихъ плечахъ. Для японца „жизнь болѣе, чѣмъ хлѣбъ“, она—также и красота; и эта любовь къ красотѣ имѣетъ на него цивилизующее и облагораживающее вліяніе и ставитъ его во многихъ отношеніяхъ выше американскаго поденнаго рабочаго ²⁹.

Крестьяне и фермеры въ Японіи, несмотря на бережливость и неустанный трудъ, никоимъ образомъ не составляютъ благоденствующаго класса. Попавъ изъ большихъ городовъ въ села и деревни, нельзя не замѣтить, какъ мало здѣсь домовъ съ достаткомъ и обезпеченіемъ насущныхъ потребностей жизни, которыми наслаждается городское населеніе. Богатые фермеры рѣдки, и рабочіе на рисовыхъ поляхъ, занятые цѣлыми днями сурою работой, при посредствѣ самыхъ примитивныхъ орудій едва обезпечиваютъ своимъ семьямъ лишь самое необходимое. Въ виду тяжелыхъ налоговъ, неустаннаго труда, частыхъ наводненій послѣднихъ годовъ и угрожающаго голода, позволительно было бы думать, что крестьяне составляютъ упавшій духомъ и несчастный классъ населенія. Что тяжкій трудъ и необезпеченность тяжелы для нихъ, это, безъ сомнѣнія, правда; но въ то же время эти труженики всегда готовы перенести покорно то, что даетъ имъ судьба, всегда полны надежды и не теряютъ воспріимчивости къ радостямъ жизни, которыя могутъ принести съ собой болѣе счастливыя времена. Соблазны города искушаютъ ихъ иногда

промѣнять свой ежедневный трудъ на безпокойную жизнь курумаи, но во всякомъ случаѣ они остаются независимыми и не обращаются ни къ кому съ просьбой о подаяніи.

Въ Японіи много бѣдныхъ, но нищихъ мало или даже нѣтъ совсѣмъ, потому что каждый, сильный и слабый, находитъ себѣ занятіе, обезпечивающее маленький заработокъ, требуемый „для поддержанія души и тѣла“ и дающій достаточно для того, чтобы у труженика не было гнета на сердцахъ, и даже чтобы онъ былъ веселъ и счастливъ. Отъ состоятельнаго фермера, значительный земельный участокъ котораго даетъ доходъ, позволяющій обставить домъ съ роскошью, такую же, какъ и городскіе дома, до бѣднаго маленькаго продавца сахарныхъ леденцовъ, около товара котораго дѣти со своими ринами и сенами порхаютъ подобно пчеламъ,—все кажутся независимыми, довольными и удовлетворенными своимъ жребіемъ въ жизни.

Религіозныя вѣрованія старой Японіи сильнѣе теперь среди сельскаго населенія, чѣмъ среди городскихъ жителей, и оно все еще готово жертвовать свои крохи „во укрѣпленіе вѣры“, за которую цѣпляется и предпринимаетъ тяжелыя странствованія за полученіемъ благословенія отъ боговъ, которымъ молится. Строящійся нынѣ въ Кіото большой буддійскій храмъ, съ низкихъ карнизовъ котораго свѣшиваются поразительныя свидѣтельства преданности крестьянскихъ женщинъ буддійской вѣрѣ, представляетъ знаменательное явленіе. Весь храмъ съ его огромной рѣзной крышей, его огромными размѣрами и чудесной деревянной рѣзьбой, сооруженъ на добротныя приношенія вѣрующихъ, трудомъ, деньгами и матеріаломъ. Лѣсъ жертвовался и привозился безвоз-

мѣдно на мѣсто постройки сельскими жителями, и женщины, желая внести свою лепту на святое дѣло, отрѣзывали свои роскошныя косы — принадлежность красоты, цѣнимая японками, быть можетъ, еще болѣе, чѣмъ женщинами другихъ странъ, — и плели изъ нихъ крѣпкіе канаты, которыми волокли бревна съ горъ къ подножію храма. Толстые черныя канаты эти висятъ и нынѣ въ неvollнѣ законченномъ еще храмѣ, и внимательный наблюдатель замѣтитъ, что въ этихъ трогательныхъ приношеніяхъ блестящіе черныя локоны молодыхъ женщинъ смѣшаны съ сѣдыми прядями тѣхъ, которыя своей жертвой надѣялись обезпечить скорый и легкій переходъ почти уже угасшей жизни въ жизнь будущую. Вдоль всего Токаидо — большой дороги изъ Токио въ Кіото, въ сосѣдствѣ съ какимъ либо священнымъ мѣстомъ или въ окрестностяхъ великой и священной Фуджи — горы столь возлюбленной и чтимой въ японскомъ искусствѣ — можно видѣть толпы медленно шествующихъ пилигримовъ, которыхъ изношенныя и испачканныя бѣлыя одежды говорятъ о тяжеломъ путешествіи многихъ дней. Путь вверхъ къ великой горѣ Фуджи кишить этими пилигримами, потому что восхожденіе на ея вершину и поклоненіе восходящему солнцу оттуда считаются средствами испрошенія особеннаго благословенія. Между этими религіозными странниками, — въ костюмахъ, похожихъ на мужскіе, подъ такими же широкими шляпами, защищающими отъ дождя и солнца, и съ такими же висящими съ плечъ циночками, служащими имъ постелью на ночныхъ привалахъ, часто можно видѣть старухъ, которыхъ старческія лица противорѣчатъ ихъ видимой бодрости тѣла, когда онѣ идутъ цѣлыя мили, звоня своими колокольчиками и держа свои четки, пока не добре-

дутъ до вершины, гдѣ будутъ молить о ниспосланіи благословенія на свои дома, или пока не исполнять какого либо даннаго ими обѣта ³⁰.

Путешествуя по деревнямъ Японіи, нельзя не вывести впечатлѣнія, что женщины играютъ тамъ значительную роль въ различныхъ отрасляхъ заработнаго труда. Въ деревенскихъ домахъ, подъ грубыми соломенными кровлями, постоянная борьба противъ бѣдности и голода не позволяетъ женщинѣ отставать отъ мужчинъ, и она соперничаетъ съ послѣдними въ трудѣ. На рисовомъ полѣ женщина работаетъ рядомъ съ мужчиной, стоя весь день на колѣняхъ въ грязи, съ подоткнутымъ платьемъ, въ узкихъ бумажныхъ брюкахъ, занимаясь посадкой, пересадкой, посѣвомъ и полотьбой,—и тогда ее можно отличить отъ мужа только по широкому поясу, завязанному сзади бантомъ. Въ горныхъ странахъ мы встрѣчаемъ женщинъ, карабкающихся по крутымъ тропинкамъ съ крюкомъ въ рукахъ, въ поискахъ топлива на зимнее время, или спускающимися въ концѣ дня съ грузомъ, котораго не постыдился бы и здоровый оселъ, взваленнымъ на особую раму, укрѣпленную на плечахъ, или уравновѣшеннымъ на соломенномъ матѣ, покрывающемъ голову. Есть деревня близъ Кіото, называющаяся Язе, у основанія Гіеи-Цанъ—исторической буддійской твердыни, гдѣ женщины приобрѣли, путемъ наслѣдственнаго образа жизни, ростъ и развитіе мускуловъ, почти исключительное, по сравненію съ мелкимъ населеніемъ внутреннихъ областей имперіи. Сильныя, бодрья, краснощекія, онѣ отличаются также почти полнымъ отсутствіемъ морщинъ на лицѣ въ возрастѣ, въ которомъ большинство ихъ соотечественницъ уже слишкомъ давно знаетъ это украшеніе старости. Съ подоткнутыми кимоно, въ синихъ бумажныхъ брю-

кахъ, онѣ поднимаются въ гору и спускаются съ нея, нагруженные тяжелыми и неудобными ношами, съ такою же легкостью, съ какою обыкновенная женщина носить своего грудного ребенка. Первое знакомство свое съ ними я свела во время привала нашей экспедиціи при восхожденіи на священную гору. Я сама была внесена на нее двумя малорослыми, почти голыми и изящно татуированными людьми; но мой багажъ, состоявшій изъ двухъ тщательно увязанныхъ большихъ тюковъ, былъ перенесенъ туда на головахъ носильщицъ на разстояніи трехъ или четырехъ миль. Изъ среды обитательницъ Язе, по причинѣ ихъ замѣчательнаго физическаго развитія, часто вербуются кормилицы для императорскихъ дѣтей — честь, которую жители этой деревни цѣнить должнымъ образомъ и которая заставляетъ ихъ смотрѣть свысока на менѣе счастливыхъ сосѣдей.

Въ другихъ частяхъ страны, по сосѣдству съ Никко, напримѣръ, ухоть за лошадьми — кроткими маленькими вьючными животными, которыя оказываютъ большую услугу въ дѣлѣ перевозки тяжести въ тѣхъ горахъ — сосредоточенъ главнымъ образомъ въ рукахъ женщинъ. Когда мы нанимали въ Никко пони для двухдневной экспедиціи въ Іомото, переговоры съ нами по этому дѣлу вела маленькая пожилая женщина и, надо отдать ей справедливость, дѣлала это съ большимъ толкомъ, отнюдь не забывая себя. Когда караванъ былъ готовъ выступить, мы увидѣли, что при каждой осѣдланной лошади былъ грумъ — мужчина, но вьючныя пони, на которыхъ былъ нашъ багажъ, велись хорошенькими деревенскими дѣвушками отъ 12-до 14-тилѣтняго возраста; ихъ черные блестящіе глаза и красныя щеки составляли пріятный контрастъ съ синими платками, украшавшими ихъ головы;

стройныя ножки ихъ были одѣты въ брюки изъ синей бумажной матеріи, и во всемъ костюмѣ ихъ только красные пояса указывали на фактъ, что это—представительницы болѣе слабаго пола. При подъемѣ по горнымъ дорогамъ, часто нелегкимъ, молодыя дѣвушки легко поспѣвали за остальной компаніей, ведя своихъ кроткихъ животныхъ весьма внимательно и умѣло и обмѣниваясь привѣтствіями съ возвращавшимися погонщиками, которыхъ такой же костюмъ показывалъ, что и онѣ совершили въ такой же роли горную прогулку, отнюдь не утомившую ихъ за два дня ходьбы.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ разводятъ шелковичнаго червя и прядутъ шелкъ, женщины играютъ въ высшей степени важную роль въ этомъ производительномъ промыслѣ. Забота о червяхъ и о коконахъ падаетъ всецѣло на нихъ, также какъ пряденіе шелка и тканье матеріи. Почти безошибочно можно сказать, что эта самая обширная и самая производительная отрасль промышленности въ Японіи находится въ рукахъ женщинъ; и ихъ труду и искусству обязана страна своимъ шелковымъ производствомъ. Тамъ, гдѣ процвѣтаетъ послѣднее, женщина поставлена въ равныя условія съ мужчиной, потому что является важнымъ факторомъ въ числѣ производительныхъ силъ семьи и такимъ образомъ можетъ постоять за себя, что не имѣетъ мѣста тамъ, гдѣ ея трудъ значительно менѣе производителенъ, чѣмъ трудъ мужчины. Какъ фермеръ, грумъ или носильщикъ, женщина стоитъ и должна стоять ниже мужчины, но въ дѣлѣ разведенія шелковичныхъ червей и всѣхъ работъ по выдѣлкѣ шелка и шелковыхъ издѣлій, она равна представителямъ сильнѣйшаго пола.

Въ округахъ, изобилующихъ чайными плантаціями, трудъ дѣвушекъ и женщинъ всѣхъ возрастовъ также

находить большое приложение. Онѣ работаютъ здѣсь цѣлые дни въ своихъ кимоно съ длинными рукавами, связанными бантомъ за плечами, и въ синихъ платкахъ, граціозно повязанныхъ на головахъ для предохраненія отъ солнца и пыли. Онѣ дѣятельно срываютъ зеленые нѣжные листы, которые затѣмъ должны быть подогрѣты на жаровнѣ и свернуты—занятіе нетрудное, требующее только вниманія въ выборѣ листьевъ, и можетъ быть исполнено какъ молодыми дѣвушками, такъ и старухами, которыя имѣютъ при этомъ возможность болтать сколько угодно и обмѣниваться интересующими ихъ сплетнями.

Въ отеляхъ, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ, женщины также играютъ важную роль. Прислужницы—обыкновенно привѣтливыя, красиво одѣтыя дѣвушки, и часто даже самый отель содержится женщиной. Первое мое знакомство съ японскимъ отелемъ было въ Нара,—въ древности столица Японіи, а нынѣ—любимое мѣсто туристовъ вслѣдствіе обилія тамъ великолѣпныхъ старыхъ храмовъ, а также находенія тамъ статуи Дай-Бутсу и красиваго оленьяго парка. Цѣлый день пути на джиннерикшѣ изъ Осака очень утомилъ нашу компанію, а между тѣмъ оказалось, что отель, въ которомъ мы просили телеграммой оставить намъ мѣсто, былъ весь занятъ даймемъ и его свитой. Нельзя было достать ни одной комнаты, и въ концѣ концовъ мы были вынуждены идти пѣшкомъ,—потому что джиннерикши были опущены нами,—въ ближайшій деревенскій отель, о которомъ ничего не знали. Усталые и разстроенные, мы не рисовали себѣ увидѣть деревенскій отель въ розовомъ свѣтѣ; и когда нашъ проводникъ указалъ намъ на маленькую калитку, ведущую въ миниатюрный дворъ, то мы были совершенно убѣждены, что

трудности путешествія по Японіи только что начались для насъ; но огорченіе уступило мѣсто надеждѣ, когда мы были встрѣчены у двери привѣтливой женщиной, уже одна улыбка которой дѣйствовала успокоительно. Хотя мы мало понимали языкъ другъ друга, но она сейчасъ же заставила насъ чувствовать себя, какъ дома, привела насъ въ лучшую комнату, послала своихъ цвѣтушихъ и красиво одѣтыхъ дочерей принести намъ чаю и разныхъ закусокъ, какія только загадочный аппетитъ иностранокъ могли потребовать, и вообще отнеслась къ намъ съ такимъ материнскимъ попеченіемъ, что наша усталость и дурное расположеніе духа быстро смѣнились довольствомъ и веселостью. Скоро мы отдохнули совсѣмъ, и наша новая пріятельница, видя это, повела насъ по своему дому, въ которомъ рядъ просторныхъ комнатъ съ блестящими чистотой стѣнами и мягкими циновками показывалъ, что наша хозяйка—мастерица своего дѣла. Маленькій садикъ въ центрѣ дома, съ карловыми деревьями, покрытыми мохомъ, камнями и бѣгущими ручейками воды, дышалъ прохладой въ жаркій іюльскій день, заставляя почти забывать о зноѣ; и чистенькая умывальная комната, съ ея большимъ каменнымъ бассейномъ, однимъ только видомъ своимъ давала освѣженіе. Двухдневное пребываніе наше въ этомъ отелѣ не измѣнило нашихъ первыхъ впечатлѣній о хозяйкѣ. Мужъ ея былъ постоянно дома, также какъ еще двое другихъ мужчинъ, но всѣ они работали подъ руководствомъ энергичной главы дѣла. Она заправляла всѣмъ, отъ приготовленія кушаній въ кухнѣ до наполненія и нагрѣванія большого чана, игравшаго роль ванны, въ которую гости приглашались каждый вечеръ, одинъ за другимъ, въ порядкѣ своего положенія. На вторую ночь пребыва-

нія здѣсь, въ поздній часъ, когда я думала, что весь отель отдыхаетъ, я тихо вышла изъ комнаты, чтобы попытаться остановить завываніе моей собаки, которая „жаловалась“, что принуждена была спать въ деревянной будкѣ, а не въ комнатѣ своей госпожи, какъ она привыкла къ тому. Крадучись по возможности тихо, изъ опасенія разбудить спящихъ, я услышала громкій голосъ своей хозяйки изъ ванной комнаты, дверь въ которую была открыта. Войдя на ее зовъ, чтобы успокоить ее, я нашла ее сидящей въ горячей ваннѣ, въ которой она, уложивъ уже остальныхъ домочадцевъ, готовилась къ короткому хотя, но глубокому ночному сну. Она поняла, въ чемъ дѣло, когда я произнесла имя моей собаки, и граціозно отпустила меня успокоительною улыбкой, — и я возвратилась въ свою комнату съ такимъ чувствомъ, какъ будто получила увѣренность, что заботливый другъ сторожить насъ день и ночь. Я видѣла много японскихъ отелей и много заботливыхъ хозяекъ съ тѣхъ поръ, но ни одна изъ нихъ не произвела на меня такого впечатлѣнія, какъ эта пріятная хозяйка въ Нарѣ.

Не только отели, но маленькіе чайные дома во всей Японіи открываютъ пути дѣятельности для женщинъ, какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ. Куда бы вы ни пошли, какъ бы отдаленна отъ центра ни была мѣстность, и какъ ни трудна туда дорога, на каждомъ пунктѣ, предназначенномъ для отдыха, вы найдете чайный домъ. Иногда это просторный ресторанъ съ нѣсколькими комнатами для приѣма гостей и отличною кухней, гдѣ приготавливаются прекрасныя блюда; иногда же лишь грубый сарай, въ одномъ концѣ котораго кипятится на жаровнѣ вода въ чайникъ, тогда какъ въ другомъ, служащемъ жилищемъ содержателей сарая, расположены два - три сидѣнья, покрытыя

циновками или краснымъ одѣяломъ. Но какого бы типа ни былъ чайный домъ, въ немъ всегда одна или нѣсколь-ко прислужницъ, которыя, какъ только вы сядете на циновки, сейчасъ же подадутъ вамъ чай; если вы спросите себѣ кромѣ того что нибудь, то по окончаніи трапезы вы должны заплатить за специально заказанныя вами блюда или закуски особенно, но за чай и десертъ къ нему, который вы не заказывали, отъ васъ ожидается не плата, а „денежный подарокъ“. Въ мѣнѣ аристократическихъ пунктахъ достаточно, если каждый гость оставить для прислуги возлѣ пустой чашки нѣсколько центовъ, за что уходящая компанія будетъ награждена громкими и горячими выраженіями благодарности.

Въ регулярной гостиницѣ он-чадаи * доходить до нѣсколькихъ долларовъ, если компанія остается нѣкоторое время, и считается благодарностью постояльцевъ за всѣ экстренныя услуги и вниманіе, оказанныя имъ вѣжливыми хозяиномъ, хозяйкой и прислугой. Чадаи дается въ бумажкѣ, съ надписью „он-чадаи“, и притомъ съ соблюденіемъ тѣхъ же формальностей, какія сопровождаютъ всякій подарокъ въ Японіи. Гость хлопаетъ въ ладони, чтобы позвать дѣвушку; когда его услышать, — что нетрудно, потому что тонкія бумажныя стѣны японскаго дома пропускаютъ всякій шумъ, — раздаются со всѣхъ сторонъ восклицанія гё-гё, или гай, и сейчасъ же къ вамъ является дѣвушка, спрашивающая съ низкимъ поклономъ,

* Ч а д а и — въ буквальномъ переводѣ „деньги за чай“ и равносильно нашимъ подачкамъ прислугѣ и носильщикамъ въ отеляхъ. Размѣръ чадаи мѣняется сообразно состоянію и положенію гостей, продолжительности пребыванія въ отелѣ и вниманію, которое постояльцамъ было оказано. Он — это приставка, требующаясь передъ словомъ на вѣжливомъ нарѣчій.

что вамъ угодно. Вы просите ее позвать хозяина, который не заставляетъ васъ долго ждать его, и всовываетъ ему въ руку чадаи, сопровождая это какой нибудь условной рѣчью, такъ напримѣръ: „вы очень много сдѣлали для нашего удобства, и мы желаемъ поблагодарить васъ этимъ чадаи, хотя это только бездѣлица“. Хозяинъ съ самымъ яркимъ выраженіемъ удивленія отвѣситъ вамъ поклонъ до земли, бормоча благодарность и поднимая къ головѣ, въ знакъ признательности, маленькій свертокъ, имъ полученный, затѣмъ извиняется тихимъ и скромнымъ голосомъ, что въ сущности ему удалось угодить гостямъ только очень мало; и когда такія выраженія скромности и обычныя слова благодарности имъ истощены, то онъ спѣшитъ уйти къ себѣ, чтобы поскорѣе посмотреть, сколько получили отъ васъ. Но окажется ли эта сумма больше или меньше имъ ожидавшейся, ничего, кромѣ крайней благодарности и вѣжливости, не прочтете вы на его лицѣ, когда онъ приподноситъ вамъ вѣреръ, какія нибудь лакомства, или бездѣлку, взявъ чадаи и провожаетъ отъѣзжающую компанію съ самымъ низкимъ поклономъ и самой ласковой улыбкой, тщательно позаботившись предварительно обо всемъ, въ чемъ можетъ встрѣтиться вамъ нужда при отъѣздѣ.

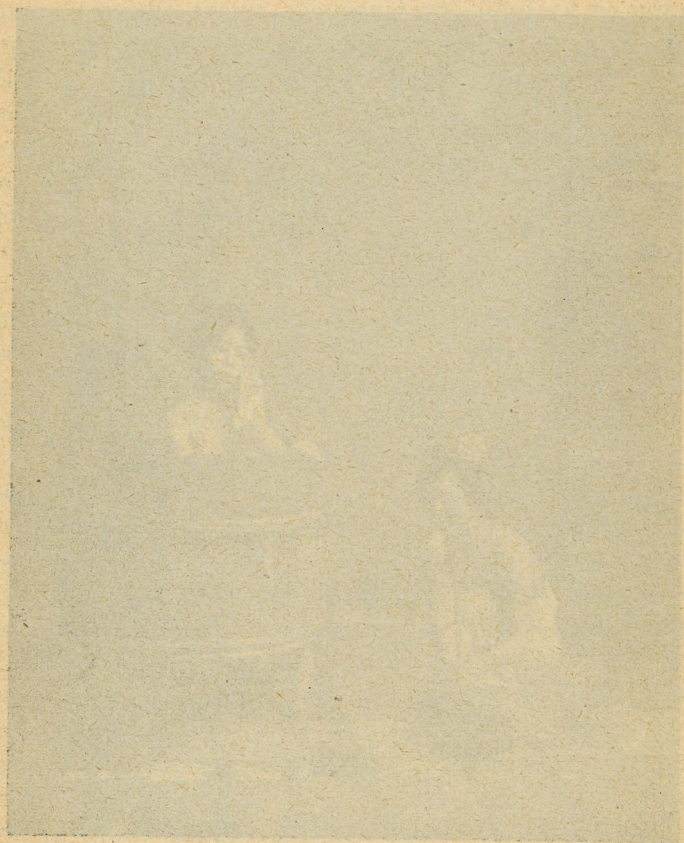
Одно лѣто, живя нѣкоторое время въ японскомъ отелѣ, въ довольно фешенебельномъ мѣстечкѣ на морскомъ берегу, я заинтересовалась маленькою старушкой, которая посѣщала отель ежедневно, принося на плечахъ двѣ тяжелыя корзины съ фруктами для продажи ихъ посѣтителямъ отеля. Такъ какъ я жила въ нижнемъ этажѣ, и днемъ стѣны моей комнаты совершенно открывались съ двухъ сторонъ, то она посѣщала меня часто, и ради ея пріятныхъ манеръ и веселыхъ улыбокъ я

покупала у нея твердыя груши, въ количествѣ, которое причинило бы колики даже и слону. Какъ-то разъ послѣ ея ухода, когда я сидѣла на террасѣ, мои глаза остановились на купальной набережной, и подѣ легкимъ навѣсомъ, гдѣ купальщики оставляли обыкновенно свои сандалии и платье, я увидѣла знакомыя мнѣ корзины съ фруктами и кучу синяго платья, снятаго моею продавщицей. Она, очевидно, улучила моментъ, когда торговля ея не могла идти бойко, для того, чтобы насладиться купаньемъ въ лѣтнихъ голубыхъ морскихъ водахъ. Скоро и сама она вышла изъ воды и сѣла на скамеечку, продолжая вытираться маленькимъ, но артистически украшеннымъ синимъ платкомъ, который каждая крестьянка носитъ при себѣ, какъ бы ни скудны были другія принадлежности ея туалета. Когда она сидѣла тамъ, старательно вытираясь, на сценѣ появился мужчина. Я съ интересомъ наблюдала, что будетъ, потому что японскій кодексъ этикета совершенно отличается отъ нашего въ такихъ обстоятельствахъ. Она продолжала свое дѣло, пока онъ не подошелъ совершенно близко, не обнаруживая никакой торопливости и ведя себя такъ, какъ будто бы ничего не замѣчала. Затѣмъ, въ надлежащій моментъ она встала, отвѣсила пришедшему глубокий поклонъ, и оба съ улыбкой начали бесѣдовать другъ съ другомъ, видимо, ни который совершенно не думая о незаконченномъ туалетѣ женщины. Затѣмъ онъ ушелъ по своимъ дѣламъ, старушка же окончила свой туалетъ, уже никѣмъ не прерываемая, взвалила на плечи свою ношу и весело пошла домой въ маленькую деревню, на разстояніи двухъ миль оттуда.

Когда путешествуешь по деревнямъ Японіи лѣтомъ и видишь полуголыхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, высышающихъ изъ каждой деревни и окружающихъ

куруму при каждой остановкѣ, то сначала спрашиваешь себя, находишься ли въ странѣ дѣйствительной цивилизации, или этотъ полуголый народъ еще скорѣе дикій, чѣмъ цивилизованный. Но когда вездѣ находишь хорошіе отели, щепетильную чистоту во всѣхъ принадлежностяхъ туалета и стола, вѣжливыя и заботливыя услуги, честное и доброжелательное исполненіе работы, согласно уговору, вмѣстѣ съ изяществомъ и пріятностью манеръ даже со стороны густой толпы, заслоняющей свѣтъ и воздухъ отъ иностраннаго путешественника, который останавливается ненадолго въ деревенской гостиницѣ, то поневолѣ перемѣняешь сужденіе, основанное сначала только на внѣшнихъ особенностяхъ національной жизни, и заключаешь, что японская цивилизація въ концѣ концовъ—высокаго типа, хотя и отличающаяся во многихъ серьезныхъ подробностяхъ отъ нашей. Тщательное изученіе японскихъ понятій о приличіяхъ и частыя бесѣды съ образованными и интеллигентными японскими дамами по этому предмету привели меня къ слѣдующему заключенію. Согласно взгляду японцевъ, обнаженіе своего тѣла, если оно только вызывается требованіями здоровья, чистоты или даже просто удобства при исполненіи необходимой работы, выполнѣ скромно и поэтому позволительно; но обнаженіе тѣла, хотя бы и въ самой малой степени, съ единственной цѣлью „напоказъ“, считается въ высшей степени не деликатнымъ. Для иллюстраціи первой части этого заключенія я сошлюсь на открытые купальныя дома или бани, голыхъ работниковъ, обнаженіе ногъ въ сырую погоду подворачиваніемъ кимоно, совершенно голыхъ дѣтей въ деревнѣ лѣтомъ и весьма легкое платьѣ, которое даже для отроковъ считается необходимымъ въ домѣ или на улицѣ во

время жары. Для иллюстраціи же второй части заключенія я укажу на ужасъ, съ какимъ многія японскія дамы смотрятъ на фасонъ иностранныхъ платьевъ, которыя, хотя и покрывая тѣло вполне, раскрываютъ каждую деталь бюста, чтобы, какъ мы говоримъ, „показать хорошенькую фигуру“. Съ японской точки зрѣнія показывать хорошенькую фигуру совсѣмъ нескромно. Что касается балльных костюмовъ, въ которыхъ шея и руки обнажены напоказъ толпѣ, то японская женщина, не стѣсняющаяся взять ванну въ присутствіи другихъ, испытывала бы агонію стыдливыхъ мученій при мысли о появленіи передъ публикой въ костюмѣ, излюбленномъ многими почтенными американками и европейками. Наше сужденіе было бы ошибочнымъ, еслибы мы заключили, что чувство приличія не развито въ японской расѣ, и что женщинамъ недостаетъ женственного инстинкта скромности. Когда точка зрѣнія, съ которой онѣ смотрятъ на это дѣло, понята, то вполне объясняются всѣ кажушіяся несообразности ихъ обычаевъ въ этомъ отношеніи, и мы можемъ отдать справедливость нашимъ японскимъ сестрамъ, если скажемъ, что о нихъ слишкомъ часто судятъ крайне ошибочно.

Кажется, нѣтъ никакого сомнѣнія, что среди крестьянства въ Японіи есть женщины, пользующіяся полною свободой и независимостью. Въ этомъ классѣ женщины, хотя и обременены работой и пользуются малымъ комфортомъ, ведутъ жизнь осмысленнаго и независимаго труда и занимаютъ въ семействѣ положенія столь же почетныя, какъ и тѣ, какія занимаютъ женщины въ Америкѣ. Ихъ жизнь полнѣе и счастливѣе жизни женщинъ высшихъ классовъ, потому что онѣ сами добываютъ себѣ хлѣбъ, внося серьезную долю заработка въ семейный обиходъ, и

съ ними считаются и ихъ уважають сообразно этому. Японка средняго или высшаго слоевъ общества, вступивъ въ замужество, прощается съ независимымъ существованіемъ, чтобы сдѣлаться „подданной“ службой своего мужа и его родителей, и ея лицо съ годами показываетъ, какъ много было самоотреченія въ ея жизни, и какъ полно пожертвовала она собою для окружающихъ. Японская крестьянка, выйдя замужъ, работаетъ рука объ руку со своимъ мужемъ, находитъ жизнь полною интереса и внѣ ея несложной хозяйственной работы, и съ годами ея лицо пріобрѣтаетъ большую индивидуальность, показываетъ большее наслажденіе жизнью, меньше страданій и горя, чѣмъ болѣе богатой и менѣе трудящейся сестры ея.